

Портреты В. Г. Белинского

В Государственной исторической библиотеке открыта выставка, посвященная 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского. Среди разнообразных материалов, представленных на выставке, привлекают внимание репродукции со старых рисунков, портретов, картин, акварелей, иллюстрирующих жизнь и деятельность В. Г. Белинского.

Почти все эти произведения были созданы при жизни критика. Выполненные с натуры, они представляют особый интерес.

Один из наиболее ранних акварельных портретов Белинского создан неизвестным художником в 1838 году, в московский период жизни критика. Мы видим молодое вдохновенное лицо с большими горящими глазами. В портрете чувствуется рука большого мастера.

По мере того, как росла известность Белинского, появляется ряд произведений художников-современников. Это — портрет работы известного иллюстратора «Мертвых душ» Боклевского и портрет, созданный К. А. Горбуновым в 1843 году. Последний портрет был до революции наиболее популярным и часто воспроизводился. Однако И. С. Тургенев считал его несколько идеализирующим внешность Белинского.

Особую ценность представляют дружеские шаржи. На одном из них, работы А. Хлещенко, изображен худощавый человек (Белинский), на которого взобрался тучный господин (издатель Краевский). Вспомним здесь слова И. С. Тургенева: «Всем известно, какую обузу наваливал на Белинского расчетливый издатель журнала. Какие сочинения не приходилось ему разбирать — и сонники, и поваренные, и математические книги...».

Интересны и зарисовки художника Степанова «Типографские превращения» (Белинский сам не узнает своей статьи после напечатания) и «Белинский и Некрасов».

Широко популярна картина А. Наумова «Белинский перед смертью», изображающая Н. А. Некрасова и И. И. Панаева у постели умирающего Белинского. К последним дням жизни Белинского относится известный портрет работы И. Астафьева.

Нужно упомянуть и об интереснейшей работе, созданной несколько позднее. Это акварель А. Максимова «Белинский в кружке Н. Станкевича», изображающая обстановку, в которой происходила соборная кружка, сыгравшая значительную роль в жизни великого критика.

В. Фроловский.

МОСГОРСИПРАВКА МОССОВЕТА

Отдел газетных вырезок

Чистопрудный бул., 2. Телефон 96-69

Вырезка из газеты **Вечерняя Москва**
от **7. ИЮН. 1948г.**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В. Г. БЕЛИНСКОГО

«ЭТО гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его», — так характеризовал Герцен знаменитое письмо Белинского к Гоголю, ставшее идейным знаменем великой русской литературы в течение многих десятилетий. Герцен первый понял историческое значение письма Белинского к Гоголю для русского освободительного движения и первый обнародовал его в «Полярной звезде».

Спустя несколько десятилетий В. И. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России» отметил то «громкое, живое значение», которое сохранило и в наш век «знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского», и назвал его «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати».

Значение письма Белинского к Гоголю в истории мировой общественной мысли трудно переоценить. Отступничество психически больного Гоголя, отрешенного в своей «Переписке с друзьями» от прогрессивных идеалов и восшедшего рабство, невежество и тиранизм, не было единственным явлением такого рода в мировой литературе. Идею отступничества имело место не только в литературе, философии, но и в искусстве многих стран мира. Но ни одна страна, кроме России, не знала в своей литературе документа подобной идейной силы, какая заключена в завещании Белинского.

Письмо Белинского далеко выходя за пределы оценки реакционной книги Гоголя. «Выбранные места из переписки с друзьями» встретили единодушную отповедь. В отрицательных отзывах не было недостатка. Все журналы отзывались о гоголевской «Переписке», как о произведении больного и полупомешанного человека. Казалось бы, такое единодушное осуждение «Переписки» Го-

голя могло бы удовлетворить Белинского. Но достаточно просмотреть комплекты журналов 1847 года с подцензурными рецензиями на книгу Гоголя, чтобы понять, почему великий критик не мог ими удовлетвориться.

Не только осторожные рецензии, подобные письмам Н. Ф. Павлова в «Московских ведомостях», но даже и резкая статья о «Переписке» Гоголя, написанная самим Белинским и помещенная во втором номере «Современника» за 1847 год, не могла в условиях царской цензуры передать настроения народных масс, придавленных крепостническим гнетом, не могла полным голосом выразить протест против самодержавия, крепостного права и религиозного дурмана, не могла призвать к революционному действию в освободительном движении.

Гоголевское «смиреномудрие» имело сильного покровителя в лице самодержавно-крепостнического строя. Но русский народ, родивший Белинского, не принял проповеди рабства. Лоялая цензурные препоны сотнями и тысячами списков, передавая их уст в уста текст знаменитого письма, русский народ провозгласил свою волю к борьбе за свободу.

В 1909 году Ленин, разоблачая «неховцев», указал зависимость письма к Гоголю от настроений закрепощенного крестьянства. Белинский обращался к Гоголю от имени миллионов: «Я представляю не одно, а множество лиц, из которых ни вы, ни я не видали самого большого числа, и которые, в свою очередь, тоже никогда не видали вас».

Белинский знал, что сороковые годы были переломными для русской литературы и гоголевская «Переписка» могла иметь пагубные последствия для русской литературы. Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, озарившие мир идеями декабристов, преждев-

ременно погибли. Тургенев и Некрасов, Гюйчаров и Островский еще только начинали свой литературный путь. Появление «Переписки» Гоголя нельзя объяснить только психической болезнью ее автора и оторванностью писателя от родины с его жизнью на чужбине. После поражения декабризма и расцвета реакции среди дворянской интеллигенции стали процветать тлетворные западные идеи признания всего действительного разумным. Когда-то близкий к Пушкину князь Вяземский превратился в матерого холола в литературе. На самом правом крыле реакционного славянофильства очутился некогда подававший надежды Языков. Десятки более мелких литераторов к этому времени окончательно завершили свой путь ренегатства. И не случайно обьявившийся миру в эти годы Ф. М. Достоевский, не успев обрадовать читателя «Бедными людьми», тотчас же опубликовал «Двойник» — проповедь идейного двурушничества.

Отступничество Гоголя наносило еще более тяжелый удар делу освободительного движения русского народа. Трудно даже представить, какие печальные последствия могла иметь «Переписка», не будь в России Белинского. И мы должны быть счастливы тем, что в сороковых годах прошлого века жил и действовал человек, ум и талант которого, пламенный темперамент борца, глубочайшая идейность демократа и революционера создавали ему непоколебимый авторитет в глазах всех передовых людей его эпохи.

Письмо Белинского к Гоголю не только спасло русскую литературу в 1847 году, но, став политическим завещанием великого критика, оно в последующие десятилетия определило все дальнейшее развитие русской литературы. После 1847 года ни один писатель не мог не определить свое отношение к письму Белинского и «Переписке» Гоголя. История исключала возможность «нейтралитета». Каждый писатель после сороковых годов должен был сделать открытый выбор: или гениальное революционное завещание Белинского — путь борьбы вместе с народом за его освобо-

ждение, — или реакционное «смиреномудрие» Гоголя — путь рабства, патриархального смирения и терпения. Уйти от этой дилеммы не мог ни один талант. Белинский дал народу великий критерий оценки любого таланта, любого произведения искусства: идейность.

После смерти Белинского его завещание стало идейной платформой великих русских революционных демократов — Некрасова, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Шедрина. Для певца революционной демократии, друга и соратника Белинского — поэта Некрасова цели и назначение искусства полностью определялись знаменитым «Письмом к Гоголю». Белинский всю жизнь был для него «истинным светилом», «учителем», которому он, поэт, «всем обязан».

Для Добролюбова, Чернышевского и Салтыкова-Шедрина письмо Белинского, так же как и для Герцена и Некрасова, стало знаменем идейности искусства. Добролюбов принимал 1847 год за год великого перелома в идейном развитии русского искусства. Эзоповским, подцензурным языком в статье «О степени участия народности в развитии литературы» Добролюбов подчеркивает историческую роль знаменитого письма, говоря, что Белинский первый обьяснил России «великое значение ее национального писателя».

Добролюбов отмечал благотворное влияние идей Белинского на всех лучших русских писателей. Даже те из них, которые стояли в стороне от революционной демократии, испытали на себе всю силу влияния письма Белинского.

И. С. Тургенев по-дружески относился к Белинскому и Некрасову, Добролюбову и Чернышевскому, но никогда не был их единомышленником. Тургеневу не суждено было подняться до подлинного понимания революционных идей Белинского. И все же мы не можем ни на минуту сомневаться в искренности слов великого русского писателя, когда он говорил, что «Белинский и его письмо — это вся моя религия». Идеи Белинского вызвали к жизни «Запи-

ски охотника», а письмо Белинского, бесспорно, помогло Тургеневу подняться до «Отцов и детей».

И когда в 1883 году Лев Толстой, в начале своих религиозных исканий, провозгласил отказ от литературной деятельности, Тургенев остро почувствовал свой общественный долг, несомненно осознанный им под влиянием письма Белинского. Тургенев обратился к Толстому с обращением «великий писатель русской земли» и страстным призывом — вернуться к литературной деятельности.

Лев Толстой не повторил ошибки Гоголя. Иные идейные мотивы и социальные причины руководили Толстым в данном случае. Письмо Тургенева Толстому не может быть сопоставимо с письмом Белинского к Гоголю. В нем нет и малой доли той революционной идейности, которая была заложена в письме великого критика. Но письмо Тургенева все же свидетельствует о том, что именно Белинский научил его ценить прогрессивные традиции русской литературы и осознать великое назначение писателя.

Благотворное влияние Белинского испытал и Лев Толстой. Белинский помог Толстому, по собственному выражению последнего, понять историческое значение Пушкина. И недаром Л. Н. Толстой называл статьи Белинского о Пушкине «чудом». Даже в период своих религиозно-нравственных исканий, в 80-х годах, когда Толстой решил вступить в полемику с письмом Белинского в защиту гоголевской «Переписки», он так и не мог этого сделать. Статья его о Гоголе осталась незаконченной. Подготавливая «Переписку» к изданию (Толстой в эти годы задумал издать ее в «Посреднике»), он убрал из нее все места и главы, против которых в своем знаменитом «Письме к Гоголю» восставал великий критик. Но даже и в сокращенном виде Толстой так и не издал «Переписки». Видимо, под влиянием письма Белинского он убедился в ее реакционности и отказался от всяких попыток полемизировать с Белинским. Даже для столь противоречивого художника, как Л. Н. Толстой, письмо Белинского было свое-

образным противовесом против реакционных тенденций, прогачивающихся в русскую литературу.

Творчество Горького, явившееся гигантским скачком в развитии мировой литературы, в ее движении от критического реализма к социалистическому реализму, впитало в себя все лучшее традиции революционной демократической литературы. Горький явился творческим наследником идей Белинского и Чернышевского.

Горьковские «Заметки о мешанстве», высоко оцененные Лениным, статьи «О карамазовщине» и «Еще о карамазовщине» в XX веке сыграли не меньшую роль в борьбе с толстовщиной и достоинщиной, нежели в свое время знаменитое письмо Белинского в борьбе с гоголевским «смиреномудрием». Толстовщина и достоинщина в конце XIX века и в XX веке представляли еще большую опасность отравления масс рабской психологией непротивления и покорности, нежели гоголевское «смиреномудрие». И великий Горький, все творчество которого по существу было разоблачением толстовских идей пассивности масс, по праву считал себя преемником и продолжателем великого дела Белинского. Но Горький был чужд канонизированию Белинского и догматическому подходу к его наследию. Он видел огромное различие в эпохе Белинского и в нашей, советской эпохе. В предисловии к книге Н. Вагнера «Человек бежит по снегу» в 1933 году Алексей Максимович писал: «Задачи нашей критики гораздо труднее, чем та задача, которая решалась Белинским и Добролюбовым».

Великий писатель всегда подчеркивал и идейную связь, преемственность большевистской публицистики от публицистики революционной демократии. И Горький призвал учиться у Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Учуться, творчески осваивая все их лучшие традиции и преодолевая их историческую ограниченность, завоевывая новые высоты человеческой мысли в смелом разрешении самых сложных проблем нашей эпохи.

И. Успенский.